

ПРИКАРПАТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ВАСИЛЯ СТЕФАНИКА
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

И. В. Козлик

**ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ФИЛОСОФСКОЙ ЛИРИКИ
И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ**

Автореферат монографии

Ивано-Франковск
ПОЛИСКАН
2009

ББК 83.0+83.014.53+83в
К 59

УДК 82.0 + 82-1/-9 + 82-14

Издание содержит русскоязычный автореферат монографии:
Козлик І. В. Теоретичне вивчення філософської лірики і
актуальні проблеми сучасного літературознавства. —
Івано-Франківськ: Поліскан; Гостинець, 2007. — 591 с. —
(ISBN 978-966-8207-70-9).

© І. В. Козлик, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
-------------------	---

Раздел 1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ О ЛИТЕРАТУРЕ И ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ. ПРЕДПОСЫЛКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ФИЛОСОФСКОЙ ЛИРИКИ

1.1. Методология литературоведения как актуальная проблема	6
Общая постановка вопроса в контексте актуальной социокультурной ситуации Постмодерна	6
Структура современной методологической сферы мышления и деятельности	7
Общая методология (проблематика, принципы и основные категории)	7
Методология науки и проблемы статуса, обоснования специфики и методологической составляющей науки о литературе	8
Основные методологические принципы научного исследования литературы: попытка систематизации и современной интерпретации	9
1.2. Проблема внутреннего состояния теоретико-литературной отрасли современного литературоведения	13
1.3. Теоретические проблемы изучения философской лирики и необходимые предпосылки и пути поиска современных подходов к её литературоведческому рассмотрению (варианты аналитики наличного эвристического опыта)	14
1.4. Методологическая „план-карта“ теоретического исследования философской лирики в единстве её интегральных факторов и внутривидовой дифференциации	18

Раздел 2

ФИЛОСОФСКАЯ ЛИРИКА В ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ СФЕРАХ ТЕОРЕТИКО-ЛИТЕРАТУРНОЙ ОТРАСЛИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

2.1. Философская лирика в плоскости общей теории литературы	19
Категория „философская лирика“ и последствия её терминологического принятия	19
Исходные методологические предостережения к жанровому исследованию философской лирики в общетеоретическом аспекте (на материале наличного опыта изучения проблемы жанра в литературоведении)	21
„Онтологическая картина“ философской лирики: интеграционные факторы жанрового феномена в горизонте пространственного толкования категории „жанр“	22
2.2. Философская лирика в плоскости прикладной теории литературы: характеристика возможных вариантов дифференциации	26
Проблема истоков философской лирики и представительство философской лирики в текстовом наследии словесности Древности (времен до эпохи европейской Античности)	26
Философская лирика в литературах мира эпохи европейской Античности и периода европейского Раннего Средневековья	28
Варианты классификаций философской лирики: их критерии, категориальное основание, предназначение и аналитико-синтезирующий потенциал (на материале развития литератур мира IX–XVIII веков	31
Послесловие	33

Предисловие (с. 9–19)

Современное состояние украинского литературоведения требует интенсивной разработки теоретико-литературной проблематики. В этом отношении особое внимание приобретают: 1) реконструкция национального опыта развития научной мысли; 2) изменение приоритетов творческого освоения сделанного мировой наукой в XX ст. При этом важно учитывать, что теорию литературы всё чаще провозглашают ненужной из-за будто бы исчерпанности её гносеологически-эвристических возможностей.

Действительно, в довольно большой части литературоведческих работ либо просто воспроизводятся устаревшие теоретико-литературные концепции (снова и снова разъясняется их логика и доказывается их истинность; в этом случае срабатывает фактор авторитетности), или на определенном историко-литературном материале теоретические постулаты или дефиниции иллюстрируются без осознания проблематичности представляемых ими теоретических концепций (в этом случае теоретическая база берётся готовой и только «прилагается» к конкретному эмпирическому материалу). В подобном дискурсе литературное произведение превращается в объект пассивного восприятия, что, в свою очередь, грозит реальной дискредитацией целой отрасли литературоведения, не так давно единодушно считавшейся одной из ведущих (главных) в науке о литературе. Отсюда первостепенное значение приобретают новая идентификация теории литературы как необходимой и значимой гносеологической деятельности, а также интенсивная саморефлексия, призванные качественно обновить теоретический дискурс «на основании глобального литературного процесса» (Г. М. Сивоконь).

К такой работе побуждают те существенные изменения в сфере культуры, науки и искусства, в результате которых выход на новую проблематику в литературоведении становится невозможным посредством внесения частичных корректив в уже существующие концептуальные разработки, дополнения их ранее неучтёнными данными. Условия актуальной цивилизационной ситуации Постмодерна требуют в сфере науки о литературе постановки всей совокупности ключевых фундаментальных вопросов, и в первую очередь — методологических и теоретико-литературных. Ведь именно методологии

литературоведения (в структурно-организационном практическом плане) и теории литературы (в концептуальном отношении) касается проблема создания новой перспективной «онтологической картины» гносеологического объекта науки о литературе.

Всё это имеет непосредственное отношение к актуализации темы *теоретического* изучения философской лирики, категориальное наименование которой входит в дефинитивную область традиционной проблемы жанра и жанрового изучения литературы. Как и другие традиционные литературоведческие категории, эти понятия подлежат идентификации на предмет своей аутентичности, целесообразности и потенциала возможностей с учётом предшествующего опыта их толкования, а также специфической внутренней ситуации в современных гуманитарных науках. При этом важно помнить, что понятие «философская лирика» относится к тем категориям, которые обозначают огромный по своему объёму эмпирический материал, очень разнообразный и по многим показателям неоднородный. И эта номинативная широта — не терминологический недостаток самой указанной категории, а наличный факт, от которого невозможно отказаться и который не стоит отрицать хотя бы потому, что в компетентном разговоре об историко-литературном процессе понятие «философская лирика» успешно выполняет функцию упорядочивания эмпирического материала (функцию каталогизации).

Однако как составляющая теоретико-литературной системы категория «философская лирика» должна быть приложена к любому (по времени и по принадлежности той или иной национально-культурной традиции) объектному литературно-художественному материалу, и при этом её использование как идентификатора *должно к чему-то обязывать* при восприятии и анализе конкретных поэтических произведений, которые в своей жанровой общности могут быть противопоставлены всему тому, чем они не являются в случае такой своей категориально выделенной сущности. А поскольку теоретическое изучение философской лирики касается проблемы жанра, то очевидной оказывается потребность в новой постановке и концептуальной интерпретации самой этой проблемы, что, в свою очередь, предполагает осуществление работы в некоем интегральном методологическом векторе. В таких методологических границах нужно заново поставить и рассмотреть те ключевые литературоведческие проблемы, с которыми непосредственно связано жанровое изучение художественной литературы. Только тогда удастся

выстроить такую «онтологическую картину» литературно-художественного феномена философской лирики, которая будет базироваться на синтезе новейших методологических и общетеоретических наработок литературоведения в целом и жанрологии как одной из его структурных составляющих.

В реферируемой монографии, в различной степени полноты охватывающей лирико-философские тексты в литературах мира глобальных эпох дорефлективного (до V в. до н. э.) и рефлективного (IV в. до н. э. – XVIII вв. н. э.) традиционализма, философская лирика впервые последовательно и системно рассмотрена в области *специфической компетенции теории литературы*. Теоретические проблемы философской лирики предстают самостоятельным объектным материалом специального методологического и теоретико-аналитического рассмотрения. На основании внутренней проблематики собственно теоретического изучения философской лирики, исходя из анализа общего состояния современного литературоведения и особенно его методологической и теоретико-литературной отраслей, *жанровость философской лирики* интерпретируется посредством впервые предложенного в науке о литературе *пространственного толкования категории «жанр»* относительно лирического рода литературы.

Раздел 1. Актуальные проблемы методологии науки о литературе и теории литературы. Предпосылки и перспективы современного литературоведческого исследования философской лирики (с. 20–325)

В данном разделе избранная тема актуализируется на базе органической связи с наличным состоянием методологической и теоретической областей литературоведческой науки.

В подразделе **«Методология литературоведения как актуальная проблема» (с. 20–241)** показана непродуктивность инертного подхода к определению методологических оснований исследования литературоведческой тематики. В этом отношении в пункте **«Общая постановка вопроса в контексте актуальной социокультурной ситуации Постмодерна» (с. 20–51)** варианты представительства методологической проблематики в литературоведении советских времён (А. С. Бушмин, Г. М. Фридлендер, Г. Н. Поспелов, Е. Г. Руднева, В. Е. Хализев, М. М. Бахтин, В. В. Лесик), в новейшем украинском (А. А. Ткаченко, А. А. Галич,

Р. Т. Громьяк, Ю. И. Ковалив, И. М. Дзюба, Г. М. Сивоконь, М. К. Наенко, С. Д. Павлычко, Т. И. Гундорова, С. Н. Андрусив, А. В. Домашенко, В. В. Фёдоров) и российском (С. С. Аверинцев, Д. С. Лихачёв, А. Дмитриев, Д. Устинов) рассмотрены с учётом наиболее показательных тенденций развития западной философской и литературно-критической мысли XX ст. (В. Дильтей, Х. -Г. Гадамер и др.). На такой основе, дополненной аналитическим освещением проблемы академизма в науке о литературе, в частности, вопросов об объективности и историзме, разворачивается мысль о невозможности сведения методологической сферы литературоведения исключительно к философии, не сумевшей построить единую картину мира и осуществить на этой основе синтез знаний и деятельности. Точно так же и развернувшаяся в сциентической эволюционной парадигме наука, с её тотальной специализацией, тоже оказалась неспособной обеспечить действительное единство научной картины мира.

Всё это активно стимулировало развитие собственно методологической мысли, в результате которого методологическая сфера как таковая представляет сегодня иерархически устроенное разноплоскостное пространство, образованное, как минимум, общей методологией, методологией науки и методологией конкретной науки. Именно на *пересечении* векторов их разворачивания и может реально осуществляться созидательная и плодотворная научно-исследовательская работа в любой конкретной области.

В центре внимания пункта **«Структура современной методологической сферы мышления и деятельности. Общая методология (проблематика, принципы и основные категории)»** (с. 52–88) находится общая методология как самостоятельная, отличная от науки и отделённая от неё отрасль мышления и деятельности. На основании аналитической систематизации наработок Г. П. Щедровицкого раскрываются особенности собственно методологической работы с присущей ей принципиально практической направленностью, характеризуется специфика её результатов, которые не похожи на традиционные научные знания.

Собственно методологические знания — это знания об установлении способов соединения таких разнотипных знаний, как знания о деятельности и знания об объекте этой деятельности, причём такие, которые можно использовать на практике. Отсюда продуктом собственно методологической работы является совокупность взаимосвязанных

предписаний, предостережений (но не аксиом или постулатов, на которых строится теория), взаимосогласованные базовые регулятивы и нормы, которые проверяются не на истинность, а исключительно на возможность быть реализованными (применимыми на практике). Среди таких основных нормативных предписаний (предостережений) общей методологии, которая базируется на деятельностном (системомыследеятельностном) подходе (СМД-методология), в реферируемой монографии рассматриваются:

1) принцип методологической терпимости (толерантности) и гносеологической полноты;

2) принцип синтеза знаний;

3) принцип снятия гносеологической оппозиции «субъект / объект» и преодоления последствий порождённого ею психологизма теории познания, фиксирующий зависимость реальности от мышления и манифестирующий десубъективацию гносеологического процесса, а также снимающий линейность в отношениях между мышлением и чувственными формами восприятия;

4) принцип различения объекта как вторичной и предмета как первичной реальности мира мышления и деятельности.

Общая методология не отрицает существование методологии науки, которой посвящён пункт **«Методология науки и проблемы статуса, обоснования специфики и методологической составляющей науки о литературе» (с. 88–111)**. В собственно научной области общая методология призвана обеспечить организацию и дальнейшее развитие исследовательской деятельности, дать общее представление системы и создать полипредметные общие методы системной работы. В свою очередь, методология науки, не отказываясь от своих традиционных функций, должна одновременно выступить в собственно научной сфере проводником общего методологического мышления и этим существенно содействовать ликвидации тех разрывов, которые исторически сложились в том числе между различными науками и разными отраслями одной науки.

Вместе с тем формирование общей методологии как самостоятельной надпредметной (т. е. осуществляющейся поверх конкретных научных предметов) отрасли мышления и деятельности предусматривает перераспределение всего комплекса методологической проблематики, изначально ориентированное на тесное кооперированное сотрудничество между общей методологией, методологией науки и

методологиями конкретных наук. В отношении литературоведения выход вопроса о его методологии с традиционной сциентической плоскости сопоставления с нормами естественных наук в антисциентическую плоскость осмысления означает его идентификацию исходя не из соотношения с нормами сциентически-центрированной науки в целом, а исключительно с точки зрения принадлежности литературоведения к самодостаточной и автономной группе гуманитарных наук. Именно эта принадлежность задаёт параметры новой перегруппировки методологической литературоведческой проблематики, непосредственно связанной со спецификой объекта, предмета, материала, способов, форм и видов гносеологического процесса в науке о литературе. Именно в таком направлении работы представляется продуктивным синтез деятельностного подхода Г. П. Щедровицкого и философской герменевтики Х.-Г. Гадамера, а также гносеологического опыта трудов В. Дильтея, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, с одной стороны, и А. А. Потебни, М. М. Бахтина, М. К. Мамардашвили, Ю. М. Лотмана, с другой.

Происшедшие изменения в методологической ситуации в целом и в отношении к познавательной области литературоведения требуют обратить внимание на то, что:

1) одинаково непродуктивны как инертное использование существующих методов исследования, так и полный отказ от некоторых их составляющих;

2) так называемый совокупный литературоведческий подход является не статичным, а структурно динамическим и иерархически выстраиваемым образованием, когда сама эта иерархичность тоже предстаёт динамичной;

3) невозможна абсолютно полная деконструкция способа исследования;

4) теоретико-литературная проблематика, сконцентрированная в области различных философских направлений XX в., приобрела принципиально методологический (с его сугубо практической направленностью) характер.

Следующий пункт первого подраздела — **«Основные методологические принципы научного исследования литературы: попытка систематизации и современной интерпретации» (с. 111–241)** — содержит аналитическую систематизацию ведущих (с точки зрения представленного выше общего подхода) принципов литературоведческого исследования искусства слова. Основанием такой систематизации

выступают базовые проблемно-тематические полюсы методологии литературоведения, первый из которых определяется принадлежностью науки о литературе к гуманитарным наукам, второй связан с её идентификацией как научно-познавательной деятельности, а третий относится к сфере основных принципов интегральной концепции теории литературы.

В подпункте **«Методологические характеристики литературоведения как гуманитарной науки» (с. 113–151)** — речь идёт о параметрах и категориях современной гуманитарной сферы, в соответствии с которыми должны формироваться внутренние методологические основания литературоведения.

Если исходить из наработок Х.-Г. Гадамера, то в центре категориального ряда, группирующего вокруг себя понятия «образование», «опыт», «язык», «понимание», «эстетическое переживание» и др., находится понятие «действенно-историческое сознание», которое позволяет описать генеральную специфику гуманитарных наук, предусматривая рассмотрение:

1) сферы базовых факторов (историческая подвижность человеческого бытия; понимание как слияние горизонтов; образование с его открытостью, чувством меры, возможностью подняться к всеобщему; языковой характер бытия как события понимания; диалогичность);

2) плоскости метода и особенностей гуманитарного знания;

3) соответствия в гуманитарном знании цели и средства;

4) вопросов об объекте и предмете, особенностях целеполагания и оппозиции «объект / субъект» в гуманитарных науках;

5) проблемы объективности и вопроса об истине в гуманитарных науках;

6) логики гуманитарных наук;

7) вопроса об «истории проблемы» и специфики понятий и категорий в гуманитарных науках;

8) особенностей гносеологического процесса в гуманитарных науках, роли традиции и понимания прогресса в них.

В гуманитарных науках, которые уже имеют древние традиции, закономерно реабилитированной оказывается значимость понятия «классическое» и изучение собственной классической древности возвращает себе надлежащее объективное преимущество. Как убеждают размышления Х.-Г. Гадамера, классическое в онтологическом качестве исторической реальности имеет неотчуждаемое и независимое от

временных обстоятельств значение, оказываясь современным любой эпохе.

Подпункт **«Проблема теоретико-литературного знания в структуре литературоведческого исследования литературы как разновидности научно-познавательной деятельности» (с. 152–162)** посвящён пересмотру вопроса о разъединённости в теории литературы теоретического и исторического начал, который получает методологическое значение в собственно теоретическом литературоведческом исследовании. Опираясь на современные эпистемологические представления, можно утверждать, что указанная разъединённость не может оцениваться исключительно как негативная характеристика теории литературы, ибо абстрактность теоретического знания обуславливается природой теории как таковой, не предусматривающей обязательного обращения к наблюдениям или экспериментам: истины теории не подлежат непосредственной практической проверке. Отсюда исходит самостоятельность теоретической отрасли литературоведения и опосредованность её отношений с литературоведческой практикой.

В таких условиях сохраняется потребность в существовании между общей теорией и историей литературы некоего переходного звена — компромиссной зоны, которую можно назвать, скажем, прикладной теорией литературы и которая отличалась бы своей спецификой, имела бы свой категориальный аппарат. Подобную функцию длительное время выполняли различные «поэтики», а с последних десятилетий XX в. её взяла на себя дисциплина под названием «Историческая поэтика», позиционировавшая себя в представительном варианте издания московского Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР (ныне — РАН) 1986 года «Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения». Соответственно: любое теоретическое рассмотрение проблемы предусматривает различие двух планов — общетеоретического и теоретико-прикладного.

В подпункте **«Методологические предостережения к основным проблемно-тематическим уровням теоретической концепции литературы» (с. 162–241)** в качестве ведущих принципов литературоведческого исследования характеризуются:

1) принцип цикличности движения искусства в историческом пространстве и времени и нелинейности отношений между различными историко-литературными эпохами;

2) принцип литературной преемственности (традиционно формулируемый как проблема традиции и новаторства) как фундаментальный закон исторического развёртывания мирового литературного процесса;

3) базовый принцип современной исторической поэтики, исходя из которого литературные явления должны рассматриваться с учётом сложного единства и диалектического соотношения в них константного и динамического, неизменного и меняющегося, структурного и исторического, автоматизирующего и деавтоматизирующего, общего и индивидуального, текстового и внетекстового, интегрального и дифференциального;

4) принцип единства исходного теоретического постулата литературоведческого исследования искусства слова.

Причём именно последний — четвёртый — принцип играет основную системно-организующую роль, находясь в основании «онтологической картины» предмета науки о литературе — «художественной литературы».

Учитывая, что инерционное использование категории «отражение» в качестве базового понятия в определении художественной литературы и литературно-художественного образа выявляет принципиальную конфликтность между соответствующими теоретическими установками и возможностью их реального последовательного проведения в практическом анализе художественных произведений, а также беря во внимание историю интерпретации понятия «мимемис», в реферируемой монографии предлагается заменить категорию «отражение» категорией «бытие» в роли исходного базового постулата современного исследования художественной литературы. Опыт разработки категории «бытие» в истории мировой философской мысли (Парменид – М. Хайдеггер – Э. Фромм), как и анализ философско-эстетических оснований художественной практики и литературно-критических взглядов выдающихся художников слова (М. Цветаевой, И. Бродского и др.) позволяют утверждать, что именно в горизонте категории «бытие», где основным фактором выступает свобода, свободное (благодаря своей компетенции) действие, можно органично и концептуально соединить такие категории в характеристике искусства, как: *самоосновность, целостность, структурность, полнота, тотальность становления, творчество / сотворчество, диалогичность, понимание* (как способ присутствия), *истинность, триада «текст – произведение – художественный мир», символичность, многозначность образа* и т.п.

Кроме того, в горизонте рассмотрения словесного искусства как бытийного явления:

а) снимается линейность в отношениях текста с внетекстовой реальностью и при этом последняя не подвергается нигилистическому отрицанию, а входит в зону действия метода *реконструктивной редукции*¹, который (в отличие от поверхностно воспринятой деконструкции¹) предусматривает фактор активной творческой памяти;

б) ликвидируется тоталитарность в отношениях «автор / читатель» и «интерпретатор / читатель», а литературоведение получает возможность заняться не поиском единственно правильных толкований художественного текста, не реализацией чтения вместо самого читателя, а обеспечением необходимых информационно-аналитических условий для самостоятельного, свободного и адекватного (в смысле изначальной рецептивной установки) общения реципиента с литературно-художественным произведением.

В топосе категории «бытие» литературоведение получает возможность определиться в собственных методологических основаниях как гуманитарная наука вне действия сциентической парадигмальной инерции. Последовательное методологическое проведение в литературоведческих исследованиях фундаментальных характеристик явлений бытийного характера, к которым, в частности, принадлежит искусство, позволяет науке о литературе удерживаться в пределах своей аутентичности, компетентности и благодаря этому не утрачивать своей действенности, легитимности, потому что не навязывает уже готовых выводов, а предоставляет ту необходимую предметную матрицу, которая открывает для этих исследований продуктивное методологическое пространство.

Второй подраздел первого раздела монографии **«Проблема внутреннего состояния теоретико-литературной отрасли современного литературоведения» (с. 242–267)** посвящён анализу указанной отрасли науки о литературе в тесной связи с актуальной социокультурной ситуацией Постмодерна, которая своими истоками восходит, как минимум, к критике Ф. Ницше основ западноевропейской культуры. Учитывая содержательное наполнение этой критики и связанные с ней

¹ Как известно, Ж. Деррида обращал внимание на то, что «деконструктивная теория анализа» даёт «подход к новому культурному синтезу», предполагающему раскрытие возможностей многих культур, что невозможно вне функций сохранения и памяти.

тенденции, воплотившиеся в подходах Х. Ортеги-и-Гассета, М. Хайдеггера, М. Мамардашвили, Э. Фромма и др., а также беря во внимание искусственный (рукотворный) характер культуры как таковой, в реферируемой монографии предпринята попытка опровергнуть публично оглашённую смерть теории литературы как самостоятельной литературоведческой дисциплины.

В связи с этим очерчивается область наиболее очевидных в своей актуальности задач, которые придётся решать теоретикам литературы, а именно:

— реконструировать утраченное целостное представление о предметной сфере литературоведения и очертить соответствующие теоретические границы его гносеологического объекта (т. е. построить новую современную «онтологическую картину» собственной профессиональной деятельности);

— наладить действенную взаимосвязь между теоретическими и практическими отраслями и дисциплинами.

Можно вполне обоснованно утверждать, что теория литературы как научная дисциплина существует в парадоксальной ситуации, созданной существенным ростом познавательно-эвристических возможностей и проблемой путей их продуктивного использования. Выход из этого требует проблемной актуализации наличного в литературоведении опыта и знаний, призванной стимулировать исторически новое становление теоретико-литературной отрасли и науки о литературе в целом.

В подразделе **«Теоретические проблемы изучения философской лирики и необходимые предпосылки и пути поиска современных подходов к её литературоведческому рассмотрению (варианты аналитики наличного эвристического опыта)» (с. 267–320)** подводятся методологические и теоретические итоги уже сделанного в области изучения философской лирики (на примере анализа исследовательских практик Е. А. Маймина, Ю. Н. Тынянова, Л. Я. Гинзбург, С. Пратт, Н. Р. Мазепы, Т. С. Волковой, Р. С. Спивак, Э. С. Соловей, Л. М. Щемелевой и др.). На этой основе характеризуются перспективы её литературоведческого изучения. В частности, речь идёт о необходимости изменения методологических и теоретико-литературных ориентиров, для чего нужно осуществить *целенаправленно-синтезирующий* аналитический пересмотр ряда традиционных для литературоведения вопросов, ориентированный на исследование конкретной внутриотраслевой (теоретико-литературной, историко-литературной и др.) литературовед-

ческой проблематики. В области изучения философской лирики подобная специализация означает новую постановку — и прежде всего в теоретическом плане — самой проблемы, которая бы вывела её исследование на перспективный, методологически выверенный (отвечающий современным представлениям о научном знании и максимально полно учитывающий логику и результаты предшествующих исследований) путь.

В этом отношении требует актуализации такой системный ряд вопросов:

— современные уровни теоретического рассмотрения литературных явлений, взаимосвязь и отношения между ними в методологическом и методическом плане;

— сущность, роль и функции теоретико-литературных категорий в историко-литературном анализе;

— теоретическая категория «жанр»: сущность, специфика, обусловленная особенностями литературоведения как гуманитарной науки, границы научно-целесообразного использования, связь с другими теоретико-литературными категориями;

— специфика жанровой упорядоченности, интеграции и дифференциации в эволюции лирического рода литературы и место жанрового анализа среди других уровней аналитического исследования лирических произведений;

— философская лирика как проблема жанрового изучения поэзии в плане теоретического описания: общее определение, потенциальные границы, критерии различения.

Для нового научного прочтения (дешифровки) философской лирики необходимы изменения в *методологической* сфере и *теоретических основаниях* её рассмотрения, позволяющие анализировать этот феномен на разных теоретических уровнях. Для этого необходим теоретико-литературный *синтез* таких ключевых и функционально-методологических (для литературоведения) положений как:

— бахтинская идея о жанре как носителе наиболее устойчивых, вековечных тенденций развития литературы и представителе творческой памяти в процессе эволюции литературы;

— идеи Ю. Н. Тынянова об автоматизации и деавтоматизации (поддержке динамизма) конструктивного принципа в процессе литературной эволюции, о системе корреляций литературного факта, о соотношении «форма / функция» в процессе литературного развития;

— основные идеи структурно-семиотического подхода в лотмановском их оформлении (о природе, функции и универсальных законах построения художественного текста; об оппозиции «система / текст»; о соотношении структурных и внеструктурных элементов, текстовой и внетекстовой частей поэтического произведения и роли этих соотношений в процессе дешифровки художественных феноменов как явлений вторичной моделирующей системы; об историческом движении художественных структур; о моделях коммуникативных систем культуры; о семиосфере);

— жанровая теория С. С. Аверинцева, в частности, его идеи: о жанре как абстракции и жанре как реальности в связи с периодизацией мировой литературной эволюции; о специфике и синтезе в историческом разворачивании всемирного литературного процесса западной и восточной культурных традиций и их творческих принципов.

В связи с этим необходима более чёткая концептуализация представлений о методологическом и теоретическом наполнении в конкретном литературоведческом анализе философской лирики категориальной триады «род / вид / жанр» и — особенно — в случае её распада на оппозиции «род / вид», «вид / жанр», «род / жанр».

Воплощение философской лирики в самых разнообразных (классических и неклассических, нормативных и ненормативных) поэтических формах с очевидностью демонстрирует необходимость в чётком размежевании понятий жанра как вида рода или типа произведения (в этом направлении велись, как правило, исследования и именно с ним связано настойчивое стремление определить максимально обобщённый в своей полноте вариант жанровых признаков произведений философской лирики) и жанра как *тенденции*, реализующейся на большом историко-литературном (включая современность) и разнообразном по своему текстовому представительству пространстве (это то, на чём, с моей точки зрения, стоит сосредоточить внимание в дальнейшем).

Такая схема пространственной репрезентации жанра мотивируется тем, что: во-первых, любое явление (тем более в искусстве, где грани преимущественно шатки и условны) требует для своего выделения того контекста, окружения, в котором оно способно проявить себя как самостоятельный феномен; во-вторых, тематический принцип дифференциации лирики оказывается не таким уже и поверхностным в этом роде литературы: ведь если корректно обходиться с теоретическими категориями и не отождествлять тему (ведущий организующий

художественный смысл, разворачивающийся на всём структурном пространстве лирического произведения) с предметом изображения, если учитывать, что так дефиницированная тема является внутренним двигателем лирического сюжета, то окажется, что тематический принцип неразрывно связан со способом художественного воплощения темы, а сама лирическая тема как принцип классификации не будет казаться такой уж малопродуктивной.

Если рассматривать *жанр как тенденцию* (а это не противоречит известному бахтинскому определению жанра как «памяти литературы»), то *одной из ведущих целей жанрового исследования философской лирики* будет определение внутренней мотивации и динамики форм её реализации в конкретную историко-литературную эпоху или период литературного развития, реконструкция того внутрилитературного контекста и информационно-коммуникативного поля, которые наиболее адекватны этим её конкретным формам, их внутренней заданности и на присутствие которых в читательском сознании они объективно (т.е. по реализованным в конкретной художественной системе творческим принципам) рассчитывают. Ведь именно при таких условиях возможен более-менее полноценный исследовательский и вообще читательский диалог с художественным явлением, в котором оно свободно раскрывается перед перцептивным сознанием.

Необходимый в сфере проблемы жанра теоретико-литературный синтез предполагает (если исходить из истории родо-жанровой дифференциации) обращение к вопросам философской эстетики, согласование в определённой теоретической последовательности разных концептуальных категорий собственно жанрового изучения литературы с ключевыми литературоведческими и одновременно философско-эстетическими категориями «искусство», «образ», «художественная структура», и через них — с общефилософскими категориями «бытие», «человеческое», «свобода», «мышление», «творчество» и др.

Непредвзятая оценка теоретического уровня в исследованиях философской лирики, позволяющая очертить возможные перспективы её собственно теоретического исследования, задача нового теоретического синтеза и поиск общих эвристически-гносеологических оснований — всё это зависит от решения проблем сугубо методологического характера, предполагая, в частности, составление методологической «план-карты» теоретического исследования философской лирики как поэтического феномена.

Именно этому посвящён подраздел **«Методологическая „план-карта” теоретического исследования философской лирики в единстве её интегральных факторов и внутривидовой дифференциации» (с. 320–325)**, завершающий первый раздел реферируемой монографии. Исходной посылкой здесь служит понимание того, что изучение философской лирики в границах специфики, компетенции и гносеологического поля теоретической отрасли литературоведения принципиально отличается от её же рассмотрения в сфере практических дисциплин науки о литературе, таких, к примеру, как история литературы. В частности, в поле зрения теоретика литературы философская лирика репрезентируется в аспектах предметной сферы и эвристических приоритетов теории литературы. Это предусматривает необходимость её гносеологического освещения в двух взаимосвязанных планах, соответствующих структуре теоретического знания, — в плане общей теории литературы и в плане прикладной теории литературы.

Общетеоретическое рассмотрение призвано прежде всего дать «онтологическую картину» феномена философской лирики, и поэтому оно должно обладать некоей «универсальностью» в смысле двухвекторной направленности, будучи одновременно обращённым, с одной стороны, к всему уже завершённом историко-литературному опыту, а с другой — к актуальным литературно-художественным практикам, ещё незавершённым и поэтому продуктивно провокативным. При этом указанная «универсальная» теоретическая описательная модель («онтологическая картина») предусматривает обязательную концептуальность и, следовательно, системную аналитику основных теоретических проблем, связанных с наличным опытом исследования философской лирики, включая вопросы терминологического обеспечения и терминологических обязательств.

Общетеоретическое рассмотрение философской лирики призвано сосредоточиться на определении и толковании внутренних интегральных факторов, позволяющих говорить о ней как об определённом, целостном (= имеющем свои границы), сформированном и научно идентифицированном образовании. Иными словами, речь идёт о рассмотрении философской лирики с учётом целевой и инструментальной специфики общей теории литературы.

Сфера же *прикладной теории литературы* предусматривает рассмотрение дифференциальных разветвлений философской лирики, которые в разных вариантах существуют (или возможны) во всём

разнообразии поэтических практик. Это область именно исторической поэтики (в выше указанном понимании слова), в которой теоретическая рефлексия может проявить всю возможную и необходимую гибкость и максимально приблизиться к особенностям конкретного литературно-художественного и историко-литературного материала. В общем, теоретико-прикладное исследование философской лирики позволяет сосредоточиться на вопросе о дифференциации её видов и критериях вариантов этой дифференциации.

Вместе с тем рассмотрение философской лирики в указанных двух планах имеет общий внутренний стержень, связанный с особым практическим значением теоретического исследования, которое состоит в его методологических (т.е. практических с точки зрения организации научных исследований) последствиях. Речь идёт, в частности, об определении ряда фундаментальных предостережений (предписаний), которые выполняют функцию внутреннего регулятора при осуществлении самых разнообразных исследований философской лирики в специфической сфере различных литературоведческих дисциплин, обладающих своими собственными целями, задачами, эвристическими средствами и т. п.

Раздел 2. Философская лирика в дифференциальных сферах теоретико-литературной отрасли литературоведения (с. 326–538)

Построение второго раздела монографии соответствует структуре теоретического знания.

В первом подразделе **«Философская лирика в плоскости общей теории литературы» (с. 326–382)** освещаются наиболее общие теоретические проблемы, с которыми неминуемо связано литературоведческое исследование данного феномена.

В пункте **«Категория „философская лирика“ и последствия её терминологического принятия» (с. 326–340)** внимание акцентируется на том, что признание за словосочетанием „философская лирика“ статуса единицы научного метаязыка неминуемо влечёт за собой ряд последствий и методологических предостережений. В частности, термин „философская лирика“ прямо сигнализирует об определённом критерии отбора объектного материала, и этим критерием выступает принадлежность поэтического текста именно к лирическому, а не к какому-либо иному

роду литературы. В такой ситуации а priori утверждается положение о доминанте *родовых*, а не видовых характеристик в избранных для анализа художественных произведениях. В результате этого утрачивает свою состоятельность тезис о том, что именно видовые особенности лирики (т.е. в первую очередь как *философской*, а не как *лирики*) обуславливают специфику эвристической работы с ней.

В практическом отношении доминанта родовых признаков поэтических произведений, объединяющихся в группу под названием «философская лирика», означает то, что с такими произведениями нужно вести себя так, как этого требует лирический род литературы, в отличие от других литературных родов. Поэтому и конкретная методика анализа поэтического текста тоже будет определяться его субстанционально-родовыми свойствами. *Ведь нет никаких принципиальных отличий в основных путях анализа произведений философской лирики в сравнении с методикой аналитической работы с произведениями иной видовой принадлежности в пределах лирического рода литературы.* Выбор определённого пути, способа, направления анализа конкретного поэтического произведения будет зависеть не только от того, чему приписывается ведущая смыслообразующая роль, но и от того, с какой целью данное произведение анализируется. И такая актуализация литературного рода в методно-инструментальном плане (т.е. с точки зрения конкретных путей и приёмов практического разбора поэтического текста) находит своё симптоматическое подкрепление в сферах иной литературоведческой проблематики, где наблюдается обращение к этой категории.

Актуализация именно родовых атрибутов произведений философской лирики неминуемо побуждает снова и по-новому обратиться к традиционной родо-видовой или, в другой формулировке, родо-жанровой классификации литературно-художественных произведений, которая, восходя своими истоками ещё ко времени европейской Античности, наиболее полную содержательную интерпретацию в философско-логическом и гносеологическом аспектах получила в немецкой классической философии. В сугубо методологическом отношении, как и с точки зрения оснований теоретико-литературной работы, речь идёт о такой интерпретации философской лирики вместе с актуализированной этим понятием родо-видовой (родо-жанровой) классификацией, которая учитывает *взаимодействие линейных и нелинейных отношений*. К этому побуждает тенденция к нелинейному толкованию членения литературы

на роды, виды, жанры, открывающему простор для реализации подхода к жанру как к самостоятельной категории, которая не зависит в своём содержательном наполнении исключительно от литературного рода. В этом отношении экскурсивно рассматриваются позиции Аристотеля, нормативной поэтики классицизма, Г. В. Ф. Гегеля, В. Г. Белинского, А. Н. Веселовского, где явно присутствует тенденция формулирования принципа перекрёстной (полицентрической) классификации произведений. Что же касается собственно жанрового уровня в плане его нелинейных связей с родовым и видовым уровнями классификаций литературных произведений, то его рассмотрение в этом аспекте в той или иной степени и форме присутствует в работах А. А. Потебни, М. М. Бахтина, Ж. Жаннета, А. Ф. Лосева, В. Ф. Переверзева, М. Я. Полякова, И. Смирнова, М. В. Строганова, Цв. Тодорова, Н. П. Утехина, В. Л. Чернец, Р. Якобсон и др. А это, в свою очередь, свидетельствует о гносеологической и эвристической продуктивности принципа перекрёстной (полицентрической) классификации литературных произведений.

Любая переинтерпретация категории „жанр” и жанрового изучения литературы должна осуществляться на основании конкретно направленного *теоретико-аналитического синтеза*, который позволяет при любом подходе сохранить границы профессиональной компетентности, одновременно поддерживая продуктивные связи с особенностями внутреннеотраслевой дифференциации и общей интегральной структурой науки о литературе.

Именно с этим связан содержательный вектор пункта **«Исходные методологические предостережения к жанровому исследованию философской лирики в общетеоретическом аспекте (на материале наличного опыта изучения проблемы жанра в литературоведении)» (с. 340–358)**. Рассмотрение какого бы то ни было литературно-художественного явления в жанровом аспекте так или иначе базируется на убеждении, что жанровость литературы — это её объективная неотъемлемая фундаментальная черта как вторичной моделирующей системы. На основании этого освещаются сквозные проблемные вопросы, подлежащие постоянному удерживанию в поле зрения при собственно жанровом изучении литературы. Это вопросы:

- о жанровой типологии (с учётом возможностей жанровой классификации в литературе реализма);
- о жанровых признаках и их природе;
- о функциях жанра.

Системное рассмотрение этих вопросов на указанной выше основе актуализирует мысль о том, что научному подходу необходима *продуктивная ограниченность (самоограничение)*, которая благодаря принятию определённой терминологизации категории жанра образует чётко очерченное исследовательское поле для определённой по своим векторам гносеологически-эвристической деятельности.

История изучения проблемы жанра демонстрирует устойчивость тенденции, возникающей на границе столкновения двух вариантов рассмотрения самой категории «жанр»:

- 1) в линейной плоскости (жанр как вид рода);
- 2) в плоскости перекрёстной классификации, при которой жанровая типология получает самостоятельное значение относительно родового членения литературы.

Наличие двух немонопольных плоскостей интерпретации категории «жанр» не только выводит это понятие из зоны концептуальных притязаний и доктринальных привязанностей, но и легитимизирует возможность образования, так сказать, «третьего» интерпретационного варианта, органически связанного с ключевой проблематикой конкретного гносеологически-эвристического поля, включая сферу собственно теоретического исследования философской лирики как жанрового феномена.

На базе рефлексии основных векторов и проблемного круга традиционного изучения философской лирики в тесной привязанности к категории „жанр” и как его альтернатива в следующем пункте **«„Онтологическая картина” философской лирики: интеграционные факторы жанрового феномена в горизонте пространственного толкования категории „жанр”» (с. 359–382)** выстраивается новая концепция жанрового изучения философской лирики на почве принципиального осмысления самой базовой категории «жанр». В связи с этим внимание сосредоточивается вокруг таких взаимосвязанных вопросов:

— в каком конкретном терминологическом значении и почему при изучении философской лирики в качестве определяющей интерпретационной категории следует использовать именно понятие жанра?

— что даёт (в смысле практических результатов) жанровое изучение философской лирики и в чём заключается специфика философской лирики в сравнении с собственно философией и риторически

окрашенными (или риторически насыщенными / оформленными) формами философствования?

Исходя из того, что определение жанровости философской лирики только через толкование жанра как вида рода или как структуры (типа произведения, или инварианта и т. п.) является явно недостаточным, в монографии осуществлена переориентация самой категории „жанр” в направлении, выходящем за пределы структурных признаков произведения. В частности, в предложенной переориентации категория «жанр» рассматривается в «полисубъектной» зоне активного межтекстуального взаимодействия, где каждое произведение как завершённое целое вступает в мотивированные смысловые связи с другими художественными целыми и только на фоне этих взаимодействий получает свою «полную» завершённость и условия, необходимые для его самопроявления и адекватного восприятия. С этой целью в монографии выводится пространственное толкование жанра, когда **под жанром понимается относительно определенное и одновременно открыто-динамичное пространство, образуемое однородными (относительно родового происхождения и вектора тематизации) поэтическими произведениями и в пределах которого они могут быть наиболее органически и адекватно представлены.**

Данное определение жанра позволяет:

а) не сводить его характеристику к какой-либо одной «обязательной» модели (типу и т. п.) явления;

б) надлежащим образом считаться с разнообразием наличных в истории литературы художественно-текстовых данных;

в) ориентироваться на всю пестроту стилевых (в диапазоне от „стиля эпохи” до индивидуальных стилей) проявлений жанра и не тавтологизировать отношения между стилевым и жанровым уровнями художественных явлений (стиль в этом случае выступит в качестве последнего, окончательно завершающего внутрискруктурного фактора художественной системы поэтического произведения, а жанр — как фактор его функционирования в качестве целостности вне границ собственной структуры, т. е. в полиструктурном жанровом пространстве литературы);

г) учитывать имманентную природу художественного текста как явления искусства и пределы его анализа в собственно литературоведческой перспективе.

С точки зрения предложенного в монографии пространственного толкования категории «жанр» жанровый анализ предусматривает, прежде всего, определение того художественно-текстового представительства, на фоне которого конкретное произведение способно в полной мере проявить свою жанровость. Такое представительское жанровое пространство является одновременно сферой динамического действия механизма преемственности, а этой сфере присущи специфическая упорядоченность и тенденция к целостности как своеобразной определённости. Учитывая закон художественной целостности, в соответствии с которым микро- и макрообраз подлежат действию единого структурного закона, можно утверждать, что в жанре как в определённом художественно-текстовом пространстве, где субъектами взаимодействия выступают произведения как целостности, в идеале действуют те же законы, что и в структуре художественного текста, конструкция которого выстраивается как протяжённая именно в пространстве (механизмы автоматизации и деавтоматизации, отношения *со-и-противопоставления*).

На основе пространственного толкования жанра можно следующим образом определить феномен философской лирики: **философская лирика — это совокупность видов лирического рода литературы, которые для своей идентификации требуют соответствующего однородного по родовому происхождению и вектору тематизации текстового пространства. В соответствии с этим философское лирическое произведение — это такое стихотворение, которое для адекватного восприятия и анализа требует сознательно реконструированного жанрового пространства философской лирики.**

Данные определения не делегитимизируют привычные (объектно-предметные или проблемно-тематические) определения философской лирики и философского стихотворения, но в отличие от них имеют прежде всего практический смысл, потому что изначально указывают на направление исследовательской работы, на основные методологические предостережения и характер практических методик, в которых эта работа может реализоваться.

Выход на определение феномена философской лирики на основании пространственного понимания жанра позволяет найти более продуктивный, в сравнении с традиционным, подход к решению вопроса о философичности художественной литературы как таковой, а также о её (а значит, и философской лирики) соотношении с собственно философией.

Такой подход, во-первых, базируется на различии контекстов восприятия и интерпретации, во-вторых, избегает непродуктивных утверждений и проблемных категорий типа категории «художественное отражение действительности», в-третьих, продуктивно ограничивает пространство решения указанного вопроса гносеологическими возможностями оппозиции «художественное / не-художественное», позволяющими определить наиболее эффективный режим восприятия философской лирики в её самости.

Вместе с тем создание «онтологической картины» философской лирики требует учёта всей совокупности основных аспектов её связей с философией, когда положительное (с точки зрения эвристических последствий) значение имеют как дифференциальные, так и интегральные черты, как отличное, так и общее. На основании опыта аналитического рассмотрения традиций соединения художественной литературы с философией (Псевдо-Лонгин, Давид Керикан, немецкая классическая философия, Ж.-П. Сартр, Ж. Деррида, Р. Рорти, М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер, М. К. Мамардашвили, Р. Р. Москвина, Р. С. Спивак, Э. С. Соловей и др.) и их различия (напр., П. Н. Медведев), а также учитывая отношения искусства и науки (в том виде, как они позиционируются Е. Г. Эткингом и Х.-Г. Гадамером), в монографии обосновывается вывод: **при всех возможных условиях философия, наука и художественная литература — это разные гносеологически-креативные деятельности, которые не дублируют и не обесценивают друг друга; продукты одной из них являются составляющими того культурного и опытного мира, в котором эта деятельность существует, который побуждает к ней и представляет для этого необходимый материал.**

Предложенная в монографии «онтологическая картина» философской лирики как жанрового феномена реализует важнейшие в пределах научной компетенции литературоведения различия, о которых в данном случае сигнализирует слово «лирика»: с одной стороны, оно указывает на методолого-регулятивное значение родовой принадлежности исследуемого феномена во внутреннем текстовом пространстве художественной литературы, а с другой — актуализирует первичную значимость его принадлежности к искусству слова в целом. Благодаря проведению такого двойного различия литературоведческая «онтологическая картина» философской лирики приобретает должную полноту и при этом не исключает возможностей рассмотрения

философской лирики в компетентных эвристических сферах иной гносеологической деятельности.

Второй подраздел **«Философская лирика в плоскости прикладной теории литературы: характеристика возможных вариантов дифференциации»** (с. 382–538) посвящён вопросам размежевания видов единого литературно-художественного явления философской лирики. В частности, здесь рассматривается первый — синкретический в своих началах и поэтому наиболее насыщенный — цикл историко-литературной эволюции философской лирики в литературах мира, к которому своими корнями восходят сами процессы видового разделения.

В пункте **«Проблема истоков философской лирики и представительство философской лирики в текстовом наследии словесности Древности (времен до эпохи европейской Античности)»** (с. 382–411) рассматриваются вопросы, связанные с концептуальной реконструкцией жанрового пространства философской лирики (целеполагание, критериальный способ подбора материала, исходная точка отсчёта), призванной дать представление об основных линиях и видовых формах разворачивания в исторической эволюции искусства слова исследуемого единого феномена.

В роли операционного принципа здесь выдвигается герменевтический *принцип целостности*, проинтерпретированный в сравнении со своим традиционным толкованием (часть / целое) с определённым дополнением, касающимся двойственной принадлежности структурной части как к целому художественной системы конкретного произведения (локальное художественное пространство принадлежности), так и к художественной литературе как таковой (общее художественное пространство принадлежности). Указанная двойственность предоставляет части некоторую свободу и самостоятельность относительно конкретного целого: часть может строиться по другим родовым конструктивным принципам, чем целое, куда она в данном случае входит и где неминуемо реализуется только определённая часть её смысловой потенции. Благодаря этому тема, мотив или словесный образ могут приобретать в сфере общего художественного опыта функцию *жанрового представительства*, неся в себе ту «память жанра», о которой говорил М. М. Бахтин. Всё это позволяет более целенаправленно находить и реконструировать истоки того или иного явления (в том числе и философской лирики), привлекая к анализу тексты однородного — в данном случае лирического — свойства и сосредоточиваясь при этом на

видовых формах, которые реализуют общую (единую) жанровую интенцию.

Такой подход к исследованию жанровых феноменов лирического рода литературы позволяет привлекать к анализу не только произведения собственно лирики: он предусматривает также возможность выделения определённых, относительно законченных, лирических по своей сущности фрагментов в произведениях не-лирической родовой принадлежности, придавая им некое самостоятельное значение вне структуры последних. В этом случае в избранных фрагментах активизируются собственно лирические потенциальные представительские жанрово-структурные возможности и, естественно, частично нивелируются структурные функции, реализованные в том произведении, откуда эти фрагменты изъяты.

С предложенным выше толкованием принципа целостности связано и восприятие так называемой «точки отсчёта», которую нельзя одновременно квалифицировать как «нижнюю генетическую границу» (Э. С. Соловей) явления, в частности, философской лирики. Ведь абсолютную нижнюю границу последней невозможно установить из-за *нелинейности* самого процесса разворачивания литературы в историческом времени и пространстве, не говоря уже об очевидной и непреодолимой нехватке соответствующего фактографического и текстового материала. При этом начальный пункт как «нижняя граница» всегда условен, потому что не может быть в буквальном смысле «генетическим», будучи по своей сущности преимущественно чем-то прагматически-функциональным: «нижняя граница» явления всегда принадлежит к определённому эволюционному циклу, что совершенно не означает, что этот цикл является именно первым в точном смысле этого слова. К тому же выбор той или иной эпохи историко-литературной эволюции как времени, когда будто бы состоялось рождение философской лирики, не в последнюю очередь зависит от содержания той концепции, которая отстаивается тем или иным исследователем.

На изложенных выше основаниях в монографии рассматриваются формы представительства философской лирики, начиная с времён шумерской словесности, религиозные произведения которой (культовые гимны, молитвы, псалмы, погребальные песни, заклинания и др.) можно считать тем художественно-текстовым пространством, к которому восходят истоки истории собственно философской лирики. В таком ключе, в частности, рассматриваются: «Песнь арфиста», фрагменты из

«Беседы разочарованного со своей душой», «Похвала смерти» (древнеегипетская литература); лирико-философские медитации из аккадского эпоса о Гильгамеше, фрагменты поэмы «Вавилонская теодицея»; молитва Кантуцилиса, прозическая «Молитва во время чумы» (хеттская литература); древнеиндийский «Гимн о сотворении мира» («Ригведа», X, 129). Выделение в перечисленных произведениях ключевых векторных мотивов сквозного тематического круга философской лирики и дифференциальных видов её представительства позволяет утверждать, что так называемые «начала» мировой философской лирики восходят к временам III–II тыс. до н.э. и связаны, как минимум, с художественно-текстовым наследием синкретического свойства шумерской, древнеегипетской, аккадской (вавилонно-ассирийской), хеттской и древнеиндийской литератур. В этом отношении можно вполне обоснованно утверждать, что своими корнями философская лирика восходит к древней религиозной (культовой) поэзии, проявившись в лирических формах погребальной песни, песни-гимна (заклинаниях-молитвах) и псалмах (покаянных и хвалебных молитвах), а также в лирических медитациях философской мотивно-тематической направленности, которые наличествуют в эпических поэмах и поэмах-диалогах. При этом показательно, что помимо своего синкретизма названные разновидности древних произведений представляют полноценную семантическую структуру лирического произведения, совершенно органично поддаваясь толкованию в её основных параметрах.

Пункт **«Философская лирика в литературах мира эпохи европейской Античности и периода европейского Раннего Средневековья» (с. 411–524)** посвящён рассмотрению видов и способов реализации сквозных составляющих мотивно-тематического комплекса философской лирики в литературах мира, начиная с X в. до н.э. — начального хронологического рубежа античной литературы вообще и архаического периода в истории греческой литературы в частности. В поле зрения тут находятся: древнеиндийский космогонический и философский «Гимн времени» («Атхарваведа», XIX 53); отдельные «песни» из ветхозаветной книги «Псалтирь», гата из Авесты «Речь в форме вопросов» («Ясна», 44); отдельные ямбы Архилоха, отдельные стихи Семонида Аморгского, элегии Мимнерма, фрагменты из произведений Сапфо, Анакреонта, Ивика, Пиндара, морально-философские медитации Феогнида (греческая литература архаического

периода); фрагменты из ветхозаветной «Книги Иова» и «Книги Екклесиаста» (древнееврейская литература). Именно таким был текстовой фон и формы реализации философской лирики накануне того фундаментального события в исторической эволюции мирового словесного искусства, которым оказалась аттическая интеллектуальная революция V – IV вв. до н. э. и в результате которой было преодолено прежнее культурное состояние дорефлективного традиционализма и началась глобальная эпоха рефлексивного традиционализма.

С ключевыми особенностями, вызванными сменой указанных эволюционных циклов, тесно связаны и проявления эллинистической философской лирики, которая через представительство определённых философских мотивов выразилась в ведущих для греческой литературы эпохи эллинизма поэтических жанрах — буколке и эпиграмме. В этом отношении в монографии характеризуются: творчество Феокрита, Асклепиада Самосского, Каллимаха, Алкея Мессенского, Леонида Тарентского, Аниты, Филета Косского, Посидиппа, Тимона Флиунтского, Архия Митиленского, Антипатра Сидонского, Биона Смирнского. Развитие философской лирики в александрийской эпиграмме происходило в условиях эволюционирования этого лирического жанра, в пределах которого философская эпиграмма, с одной стороны, удерживала определённую традиционную философскую тематику, но, с другой стороны, философская эпиграмма о смысле жизни могла превращаться в прославление вина и любви.

Симптоматика философской лирики в римской литературе времени гражданских войн связана с творчеством поэтов «неотерического» направления, которых ещё называли «учёными поэтами». Например, в творчестве Гая Валерия Катулла Веронского определённые мотивно-тематические интенции любовных стихотворений представляют лирику морально-философского свойства. Позже философская окрашенность проявляется в «Буколиках» или «Эклогах» Публия Вергилия Марона. Философско-моралистическая лирика воплотилась в творчестве Квинта Горация Флакка («Оды», «Послания», произведения, посвящённые теме поэзии). Симптомы философской лирики, базирующиеся на способности понять другого, наблюдаются в творчестве третьего представителя поэтического триумvirата — Публия Овидия Назона (отдельные фрагменты из поэм «Фасты» и «Метаморфозы»).

Последний век старой эры и первые два столетия новой эры отмечены новыми проявлениями философской лирики в азиатском культурном

регионе. Имеется в виду оформление буддийской «Типитаки», в которую входят лирико-философские по своей структуре «Сутта о стреле» и «Гатха Тхеры Бхуты» («Тхера-гатха», 518–526), детально проанализированные с точки зрения проблематики монографии. В границах первого — базового по своей первичности — цикла в эволюции философской лирики в различных словесных культурах мира находятся и первые ростки философской лирики в китайской литературе. В связи с этим рассматриваются проявления лирико-философской тенденции в творчестве Цюй Юаня, в отдельных ханьских песнях-юэфу (типа песни «Роса на листьях») и в поэтическом цикле «Девятнадцать древних стихотворений».

В словесности Раннего Средневековья (III–IV — VII–VIII вв.) явное лидерство в развитии философской лирики принадлежит восточным литературам. Так, в классической древнеиндийской литературе III–VII вв. активно функционирует поэзия принятия мира (сансары), представленная в творчестве Халы, Калидасы, отчасти Бхартрихари, а позже — в некоторых течениях бхакти. Проявления философской лирики находим и в древнетамильской литературе (Каньян Пунгундран), а также в сборнике стихотворных афоризмов «Тируккурал». «Поэзия мысли» господствует и в китайской средневековой литературе (Цао Чжи, Жуань Цзи, Тао Юаньмин, Се Лин-юнь, Чэнь Цзы-ан), в отношении которой органичнее (и целесообразнее) говорить о пейзажно-философской лирике как основной форме философской лирики.

Философская лирика функционирует и в арабской средневековой литературе (Зухайр ибн Аби Сульма, Ади ибн Зайд, Лабид ибн Рабиа, Ан-Набиг аз-Зубьяни, Маджнун, Аль-Фараздак и др.). В свою очередь, в византийской культурной зоне философская лирика сосредоточивается часто в области религиозного христианского творчества (например, Григорий Назианзин). В западноевропейской же культурной зоне Раннего Средневековья философская лирика существует исключительно в эмбриональных синкретических формах.

В общем, есть основания утверждать, что в пределах первого — базового — цикла философская лирика проявила себя не только как определённая составляющая в структуре синкретических по характеру своих жанровых свойств произведений, но и как вполне развёрнутое явление, т. е. она нашла своё воплощение в лирических произведениях, дешифровка которых в плоскости других поэтических текстов аналогичного вектора тематизации входит в число основных из

возможных интерпретаций. Более того, именно первый эволюционный цикл развития философской лирики сконцентрировал основные потенции, мотивно-тематическую «энергетику» её дальнейшего разворачивания в историческом бытии искусства слова и в целом образует тот историко-литературный фундамент и фон, на базе и в соотношении с которым только и возможно говорить о значимости, новизне, художественно-эстетическом уровне и вообще реальном качестве представительства исследуемого жанрового феномена в последующих эволюционных циклах.

В пункте **«Варианты классификаций философской лирики: их критерии, категориальное основание, предназначение и аналитико-синтезирующий потенциал (на материале развития литератур мира IX–XVIII веков)» (с. 525–538)** характеризуются параметральные условия полноценной и гносеологически продуктивной классификации дифференциальных видов феномена философской лирики.

На основании учёта наличного разнообразия представительских форм философской лирики в литературах мира различных культурных зон, и особенно обращая внимание на: а) определяющее значение тематического критерия в лирике, б) возможность различной тематизации одного и того же «предметного» материала, и в) то, что любое художественное произведение изначально ориентировано не на один, а как минимум, на два жанровых кода дешифровки (на чём в своё время настаивал Ю. М. Лотман), — в монографии пересматривается негативное отношение к познавательным-эвристическим возможностям тематической классификации философской лирики. В частности, речь идёт о том, что признание возможности «тематических» разновидностей в едином жанровом пространстве не означает исключительно однополюсной идентификации поэтического произведения, когда, скажем, возможность его рассмотрения в плоскости пейзажной лирики уже будто бы не допускает его же интерпретации в других жанровых плоскостях. Ведь тут определяющей является не только и не столько теоретико-концептуальная (содержательно-идеологическая) сторона дела (хотя своё какое-то значение она, конечно, за собой сохраняет), а сторона *методологическая*, сосредоточенная на выяснении двух вопросов: позволяет ли избранная классификация достичь поставленной перед исследованием цели и насколько органично (без насилия и искусственной схематизации) она даёт возможность работать с полным объёмом доступной эмпирической базы? В этом смысле тот факт, что

исследователи всё-таки не отказываются от тематической классификации лирики в пределах её определённой жанровой разновидности (особенно когда последняя реализуется не в одной, а во многих типах структурных форм), красноречиво свидетельствует о следующем: тематическая классификация помимо всей своей неидеальности имеет всё же продуктивный гносеолого-эвристический потенциал, свою внутреннюю логику, в достаточной мере соответствует определённому рода исследовательским целям и в ими очерченных границах даёт реальную возможность эффективной работы с большими эмпирическими базами данных.

О правомочности такого вывода в отношении характеристики философской лирики в плоскости пространственного толкования категории «жанр» свидетельствует её функционирование в литературах мира эпох дорефлективного и рефлективного традиционализма, в том числе периода, охватывающего европейское Зрелое Средневековье и продолжавшегося до эпохи европейского Просвещения включительно. В этом отношении в монографии номинативно-эмпирически реконструируются текстовые пространства таких разновидностей философской лирики, как религиозно-философская лирика, любовно-философская лирика, пейзажно-философская лирика, морально-философская лирика, социально-философская (или философско-гражданская) лирика. Кроме этого, в качестве иллюстраций различных по своим параметрам дифференциаций видов философской лирики указываются те из них, которые выделяются:

- а) на базе стилевых особенностей лирической системы;
- б) в зависимости от структурно-семантического или композиционного типа конкретного лирико-философского стихотворения;
- в) на основании принадлежности творчества поэта-философа к конкретному отрезку в общей периодизации литературного процесса или определённому историко-литературному образованию (мировой культурной зоне, историко-литературной эпохе в пределах глобальной эпохи, национальной литературе, литературным направлениям и течениям как идейно-эстетическим системам и т. п.).

Выделенные таким образом группы произведений идентифицируются как разные открытые (принципиально незавершённые, количественно неполные) текстовые пространства, в границах которых конкретное произведение демонстрирует различное «семантическое поведение», получает разные коды для дешифровки, а соответственно — и разные

интерпретационные возможности. Более того, любое полноценное лирико-философское произведение, как и художественное произведение вообще, не только может входить в разные текстовые пространства, а принципиально предстаёт *полем пересечения* неисчислимых текстовых пространств, что и обеспечивает ему фундаментальную многозначность, обладающую вполне конкретным семантическим свойством и не связанную с семантической аморфностью. Поэтому знание дифференциальных видов философской лирики как целостного литературно-художественного феномена не является каким-то «схоластическим» требованием, а связано с практическими задачами работы литературоведа с основным объектом своей научно-гуманитарной деятельности — текстом литературно-художественного произведения.

«Послесловие» (с. 539–547)

Основные итоги осуществлённого в монографии исследования сводятся к следующему.

1. В условиях актуальной для европейской цивилизации социокультурной ситуации Постмодерна к литературоведческим проблемам невозможно подходить сугубо инерционно, механически используя уже сформированные и реализованные на практике средства, схемы и, соответственно, целевые установки. Наука о литературе нуждается сегодня в системной саморефлексии, нацеленной не на традиционный для сциентической парадигмы эпохи Модерна вопрос «почему?», а на вопрос «зачем?», актуальный в парадигме, возникающей в результате *пересечения* эвристически-гносеологических векторов СМД-методологии Г. П. Щедровицкого и философской герменевтики Х.-Г. Гадамера. Именно через приобщённость к новым (или ещё неосвоенным в данной научно-предметной области) общеметодологическим наработкам литературоведение может выйти из инертной зоны и необходимым образом приобщиться к современной общенаучной динамике, сможет интегрироваться в сквозные процессы сегодняшнего развития научного знания и благодаря этому получить надёжные стимулы для собственного развития.

2. Теоретическое исследование философской лирики не может сегодня осуществляться без ориентации на общее состояние дел в современной

теоретико-литературной отрасли, особенно там, где теория литературы выходит в методологическую сферу, т. е. в область наиболее общих регулятивов, направляющих литературоведческую работу с текстами.

Это касается, в частности, вопроса об исходном интегральном постулате литературоведческого исследования как такого, поскольку именно с ним связаны в первую очередь построение современного дискурса об искусстве слова, теоретическая концепция научного исследования литературы, включая установление необходимых границ её компетентности.

Есть все основания сформулировать указанный теоретико-методологический постулат посредством категории «бытие / мышление», заменив ею в такой роли категорию «отражение». В этом случае искусство предстаёт материализацией определённого иного потока / формата существования, чем-то таким, что живёт «особенной жизнью, более целостным и осмысленным», неким иным измерением, в котором нет не связанной с нахождением смысла и с изменением сознания «дурной бесконечности», а есть *переход* человеческого сознания «в особенный регистр..., что случается с человеком после нахождения смысла». Именно такое бытие греки называли особенным бесконечным — тем «Одним», которое только и возможно человеку понять так, «чтобы об этом можно было говорить, не разрушая языка самим этим высказыванием» (М. К. Мамардашвили).

В пространстве категории «бытие / мышление» (если при этом считать верным известный тезис об искусстве слова как образном мышлении, а не мышлении образами) художественную литературу можно определить как одно из *самоосновных* (= бытийных) явлений, которые «всегда вначале самих себя» и потому воспроизводятся, повторяются, удерживаются на собственных бытийных основаниях. В этом отношении искусство:

— существует только в высказывании, обладает собственной специфической реальностью, которую приобретает только в акте понимания и которая всегда находится в становлении. В качестве способа мысли и высказывания бытия, которые должны постоянно «воспроизводиться человеком на свой собственный страх и риск» (М. К. Мамардашвили), искусство попадает в поле действия бахтинской категории «ответственный поступок»;

— является оппозицией эмпирической (не-бытийной) реальности с её подчинённостью материально-утилитарным потребностям, с её причинностью и одновременно хаосом, господством законов

рассеивания, распада и забвения. Отличаясь принципиальной осмысленностью, упорядоченностью и воспроизводимостью под знаком формы (структуры), искусство воплощает в себе мир бытия как что-то такое, что существует «само по себе, будто помимо человека и является бóльшим, чем сам человек», подлежит определению в качестве высокой или святой жизни, которая находится в каком-то ином времени и в другом пространстве (М. К. Мамардашвили);

— выступает воплощением вечного (пока существует человек) акта самосозидания, в котором реализуется неистребимое человеческое «желание быть» и которое должно постоянно повторяться и возобновляться в каждом человеческом существе;

— осуществляется как разыгрывание посредством художественных технологий для формирования у реципиентов структуры памяти и в целом того типа человека, которого без художественных произведений не было бы.

3. Осуществлённый в монографии системный анализ реального состояния исследованности философской лирики в современной науке о литературе выявил, с одной стороны, непродуктивность отказа от рассмотрения философской лирики на основе категории «жанр», а с другой, невозможность сохранения за этой категорией лишь того терминологического значения, которое она получила в привычном в сфере массового литературоведения линейном родо-жанровом разделении литературы. Ведь если под жанром понимать исключительно структурный тип литературного произведения (= обычное толкование понятия «вид рода»), то философская лирика и аналогичные ей образования — это никакой не жанр.

Но история жанрового осмысления литературы убедительно свидетельствует о том, что такие ключевые традиционные литературоведческие категории, как категория «жанр», имеют не прагматически-результативный, а *регулятивно-векторный* характер, и входят при этом в разные (вплоть до противоположных) теоретические концепции, неминуемо дифференцируя и трансформируя своё терминологическое наполнение. В частности, к анализу философской лирики приложимо только такое толкование жанра, которое: во-первых, базируется на осознании родовых различий между произведениями как различий не факультативных или сугубо методических, а различий сущностных, генетических, базовых; во-вторых, позволяет в полной мере учитывать специфику философской лирики как принципиально

полиструктурного образования; в-третьих, даёт возможность рассматривать поэтическое явление в наиболее органичной для его природы плоскости — на *пересечении* линейных и нелинейных (ортогональных) факторов и отношений. Благодаря этому становится возможным многовекторное и многоуровневое действие закона культурной преемственности в сфере словесно-художественного творчества.

Теоретической интерпретацией категории «жанр» относительно литературоведческого изучения философской лирики, которая максимально отвечала бы вышеуказанным условиям, является предложенное в монографии *пространственное толкование жанра* как той ипостаси, в которой произведение реализуется как *определённая целостность в целостности самой же литературы* как вторичной моделирующей системы вообще и литературного рода как определённой генетической общности поэтических текстов в частности. Рассмотрение философской лирики в плоскости пространственного толкования категории «жанр» ориентировано на максимально возможный учёт как всего разнообразия эмпирического материала, манифестирующего философскую лирику в качестве сквозного в развитии литератур мира словесно-художественного феномена, так и сложной динамики взаимодействия структурных и внеструктурных, текстовых и внетекстовых факторов художественного произведения.

4. Сохранение *неожанрового* аспекта рассмотрения философской лирики переводит основное внимание при анализе лирических текстов из предметно-тематического материала на художественно-содержательный вектор его тематизации. «Большие темы лирики», которые, по словам Л. Я. Гинзбург, не всегда «вечные», но всегда экзистенциальные в том смысле, что «касаются коренных аспектов бытия человека и основных его ценностей» (Л. Я. Гинзбург), не обязательно тематизируются только в лирико-философском направлении. Лирическая тематизация богата на векторы и, соответственно, ни одна из «экзистенциальных» тем лирики не может ограничиваться в этом отношении. Но одно дело — возможность конкретной тематизации, и совсем другое — уже реализованная возможность. В этом смысле термин «философская лирика» касается как раз второго случая.

Такой подход позволяет более рельефно разграничивать понятия «философичность» и «философская лирика». «Философичность» — это атрибут, признак поэтического мира и лирической системы конкретного

автора. В этом значении она сосуществует с другими их признаками (ср.: сочетание философичности и особой символичности в суфийской лирике, философичности и панегиричности в лирике традиционных восточных литератур, философичности и полемичности в отдельных поэтических системах в украинской поэзии и т. п.). Такая философичность, как и в случае понимания под этим термином близости поэта каким-то философским (мировоззренческим в широком значении слова) учением или концепциям, не обязательно разовьётся до уровня философской лирики в собственном понимании слова и поэтому не обязательно будет требовать анализа произведений в жанровом поле философской лирики.

В свою очередь, понятие «философская лирика» принадлежит к ряду тех концептуально-терминологических номинантов, которые призваны обозначить отдельный литературно-художественный феномен как таковой с целью его разграничения с другими литературно-художественными явлениями. Отсюда понятия «философичность» и «философская лирика» предстают в теоретическом максимуме категориями нерядоположенными, разноуровневыми, хотя и сохраняют возможность взаимосвязи и взаимодействия.

5. Жанровые модификации философской лирики часто возникают в смежных предметно-тематических сферах, оставаясь при этом дифференциальными видами *одного рода*. В этом отношении достаточно обратить внимание на то, что своими корнями философская лирика восходит к области религиозного сознания, культовой и религиозно-дидактической поэзии, которая по своей интенциональной природе наиболее непосредственно касается онтологической проблематики и первично реализуется в синкретических формах, внутренней составляющей которых является также и лирико-поэтический элемент. Формы присутствия философской лирики с древнейших времён и вплоть до конца глобальной эпохи рефлексивного традиционализма (как в эмбриональных, так и в относительно зрелых, дифференцированных формах) показывают, что она реализовалась не только (а в Древности — и не столько) как собственно философская лирика, но и как лирика *религиозно-философская, морально-философская* (или *философско-моралистическая*), *любовно-философская, пейзажно-философская, социально-философская* и т. п., в формах (с различной степенью присутствия фольклорного элемента) панегирически-хвалебных, медитативных, дидактически-проповеднических, буколических, антологических, эпитатических, эпиграмматических, элегических, монологических, диалогических,

ческих, завершённых и фрагментарных («открытых»), синкретических и сформированных, прозаических и стихотворных, циклических и нециклических и пр. Причём все указанные разновидности можно идентифицировать как полноценные проявления именно философской лирики как самостоятельного феномена и, соответственно, они требуют для своей адекватной дешифровки единого лирико-философского жанрового пространства в пределах более широкого по своему составу, но общего по жанровой (в пространственном толковании термина) принадлежности текстового поля.

Любые варианты реконструкции дифференциальных проявлений философской лирики как жанрового феномена — это один из ключевых этапов в процессе её анализа в направлении пространственного толкования категории «жанр». И такая работа имеет универсально-обязательный характер, поскольку необходима в любом случае специального исследования конкретных лирико-философских произведений. Другое дело, что она не только не исключает, а предполагает осуществление, так сказать, «разделения труда» внутри «литературоведческого цеха» и ориентирована на подобную внутринаучную кооперацию.

Сформулированные итоговые положения базируются на эмпирической базе, охватывающей глобальные эпохи дорефлективного и рефлективного традиционализма. Относительно же актуальной и незавершённой посттрадиционалистской стадии, включающей в себя новейшее состояние развития словесного искусства в пост- и *after*-постмодернистских парадигмах, то при всех возможных вариантах (включая манифестированный ещё романтизмом *вторичный* — в сравнении с архаическим — синкретизм жанровых форм), с достаточной степенью основательности можно утверждать, что порождённая в таких условиях литературная продукция не может отменить фундаментальные основания художественной эволюции, одним из которых была и остаётся глубинная жанровость художественного произведения. Здесь вопрос в другом — в конкретных формах проявления этой жанровости и способах её реализации как механизма работы закона культурной преемственности в современных условиях осуществления литературно-художественной деятельности. Ведь часто отрицание какой-либо жанровой ориентации творчества будто бы ради достижения полноты реализации «неповторимой» творческой индивидуальности «постмодернистского» автора в действительности (и вполне закономерно) оборачивается

фактическим господством ограниченного количества безличных «технологий письма», не только не гарантирующих, но изначально не нацеленных на достижение какого бы то ни было художественно-эстетического совершенства. Однако это сложная и интересная проблема, требующая специального исследования.

Предложенный в монографии вариант теоретического изучения философской лирики не является единственно возможным. «Реанимация» собственно теоретических исследований традиционных литературоведческих проблем предполагает создание работ в пределах конкретной структурной области теоретического знания, поскольку общетеоретическая и теоретико-прикладная отрасли являются достаточно самостоятельными, обладая своей специфической проблематикой, целеполаганиями и т. п. В то же время системной разработки и постоянного внимания требуют также сугубо методологические проблемы, касающиеся как исследований конкретных научных проблем или литературоведческих дисциплин, так и науки о литературе в целом, особенно в сфере её интеграции с другими гуманитарными и вообще научно-познавательными деятельностями. В любом случае организация динамической системы литературоведческих исследований самых разнообразных структурно-иерархических уровней научной проблематики, которые в своей совокупности базировались бы на органическом взаимодействии и должной направляющей корреляции интегральных и дифференциальных факторов, предстаёт базовой и доминантной предпосылкой дальнейшего развития украинского литературоведения как одной из национальных составляющих мировой научно-гуманитарной деятельности.

К 59

Козлик И. В.

Теоретическое изучение философской лирики и актуальные проблемы современного литературоведения : автореферат монографии / И. В. Козлик. — Ивано-Франковск : Полискан, 2009. — 39 с.

ББК 83.0+83.014.53+83в

Наукове видання

Ігор Володимирович Козлик

ТЕОРЕТИЧНЕ ВИВЧЕННЯ ФІЛОСОФСЬКОЇ ЛІРИКИ
І АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ СУЧАСНОГО ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВА
Автореферат монографії
(Російською мовою)

*

*Друкуються за ухвалою Вченої ради Інституту філології
Прикарпатського національного університету імені Василя Стефаника*

*

Технічний редактор Л. М. Вашкевич
Оригінал-макет І. В. Козлик

Підписано до друку 01.06.2009. Формат 60x84/16. Папір офсетний. Гарнітура „Times New Roman”.
Ум. друк. арк. 2,11. Тираж 100.

ТзОВ „ПОЛІСКАН”: 76000, Івано-Франківськ, вул. Білозіра, 15